

**Художественное пространство повести
Н. Гоголя "Страшная месть"**

У статті розглядається питання про природу художнього простору повісті М. В. Гоголя "Страшна помста".

Ключові слова: система образів, художній простір, побутовий простір, чарівний простір, відкритий простір, закритий простір, символіка чисел.

В статье рассматривается вопрос о природе художественного пространства повести Н. В. Гоголя "Страшная месть".

Ключевые слова: система образов, художественное пространство, бытовое пространство, волшебное пространство, открытое пространство, закрытое пространство, символика чисел.

The article discusses the nature of the artistic space Gogol story "Terrible revenge".

Key words: system of images, art space, domestic space, magical space, open space, closed space, symbolism of numbers.

Действие в повести Гоголя "Страшная месть" происходит как в открытом, не скованном никакими преградами пространстве, так и в пространстве замкнутом, внутреннем, закрытом, ограниченном. К закрытому пространству можно отнести хату и подвал пана Данила, землянку и замок колдуна, хату есаула Горобца, корчму на пограничной дороге, пещеру старого схимника. Интересно, что Гоголь дает описание интерьера только хаты пана Данила и замка колдуна – двух крайних, полярных точек бытового и волшебного пространства, в наибольшей степени вобравших в себя характернейшие черты того и другого. Хата Данила – оплот семейственности, традиций, приют для товарищей и побратимов, своего рода, самодостаточная микровселенная бытового пространства. В ней одна большая светлица, особая светлица, дубовые полки вокруг стен, на которых стоят миски, горшки, кубки и чарки, на стенах – мушкеты, сабли, пищали, копья, внизу – лавки, лежанка, под потолком висит люлька. Такой интерьер несет в себе покой, умиротворенность. Колдун в подобной обстановке воспринимается в качестве полностью инородного тела и все события, происходящие в хате и так или иначе

связанные с его именем (например, сражение Данила с ним, сны Катерины, разговор перед сражениями с поляками между Данилом и Катериной) являются направленными на укрощение этой персонафицированной силы зла. Дом Данила при первых о нем упоминаниях – идеальное место для жизни с царящими здесь уютом и гармонией. По мере развития сюжетного действия повести такая мысль о нем претерпевает значительные изменения: в содержание произведения входят мотивы страха, ужаса, смерти. Но не смотря ни на какие сюжетные перипетии именно дом Данила является тем местом в пространстве, от которого ведется отсчет всех совершающихся событий, вокруг которого сходятся основные сюжетные нити повести. Это смысловой центр произведения.

Замок и землянка колдуна – места, где происходит колдовство. Как отметил Ю. М. Лотман, в произведениях раннего Гоголя, когда "... в закрытом помещении совершается фантастическое действие, "закрытость" его отменяется" [5, с. 262]. Вещи, находящиеся в замке, также неестественны и не соответствуют своим аналогам из бытового пространства: "По стенам чудные знаки. Висит оружие, но все странное: такого не носят ни турки, ни крымцы, ни ляхи, ни христиане, ни славный народ шведский" [4, с. 257]. С интерьером в комнате замка также проходят чудесные изменения: "И чудится пану Даниле... что уже не небо в светлице, а его собственная опочивальня: висят на стене его татарские и турецкие сабли; около стен полки, на полках домашняя посуда и утварь; на столе хлеб и соль; висит люлька...но вместо образов выглядывают страшные лица; на лежанке... но сгустившийся туман покрыл все и стало опять темно..." [4, с. 257–258]. Дом пана Данила и замок колдуна выступают в качестве противоположных полюсов закрытого пространства, в них происходят события, наиболее ярко отражающие специфику волшебного и бытового пространства. В доме Данила отражаются черты быта, семейного уклада, другие специфические особенности жизни той эпохи, в замке колдуна – народные представления об inferнальных существах и их возможностях.

Закрытое пространство – пространство внутреннее, имеющее четкие границы. Открытое пространство безгранично, безбрежно и растекаемо. В нем происходит свадьба есаула Горобца, возвращение Данила с семьей и слугами домой со свадьбы, события по дороге к замку колдуна и вокруг него, события возле подвала пана Данила, бой с поляками в хуторе и его окрестностях, события на Днепре и на его берегу, события, происходящие в Карпатских горах, городе Глухове и в других местах. Большинство из действий,

происходящих в открытом пространстве, связаны с атмосферой тревоги, страха. Они несут гибель Данилу и его семье. В частности, это появление колдуна во дворе есаула Горобца, разговор между Катериной и мужем в лодке во время возвращения со свадьбы о тревожном предчувствии, связанном с появлением колдуна, и наблюдение над поднявшимися со своих могил мертвецами, бой с поляками, укрощение колдуна в пределах Карпатских гор. В песне старого бандуриста открытое пространство полностью теряет свои разграничительные координаты, в нем сливается и реальное, и фантастическое. В этой песне моделируется пространство Украины и пространство, ассоциирующееся с "местообитанием" Бога.

В повести прослеживается теснейшая взаимосвязь между открытым и закрытым пространством. Она наиболее четко проявляется в реализации замыслов, назревающих в закрытом пространстве, в открытом пространстве. К таким замыслам, предчувствиям, тревогам и т. п. можно отнести первый сон Катерины, тягостные предчувствия Данила, боязнь Катерины одной оставаться в своей хате, вызов колдуном души Катерины с целью заставить дочь полюбить его, второй сон Катерины, повторяющий увиденное Данилом в замке колдуна, отречение Катерины от своего отца, непрерывные злые помыслы колдуна, вызревающие во время заточения его в подвале Данила, просьбы колдуна о помощи с подвала к своей дочери, подготовка ляхов к набегу на хутор пана Данила, душевные мытарства Данила в своей светлице, предчувствие им своей смерти, его размышления о тяжелой судьбе отчизны, о былом величии и силе казачества, третий сон Катерины (в доме есаула Горобца), предчувствие ею гибели своего сына, "покраснение святых букв" в книге схимника. Ряд столь страшных событий, намечающихся или происходящих в закрытом пространстве, также наводит на мысль о связующем звене между различными типами художественного пространства повести. Связующим звеном между ними, в большинстве случаев, выступает окно, являющееся прозрачной границей и позволяющее действующему лицу, находящемуся в одном типе пространства, наблюдать за событиями, происходящими в другом (напр., закрытое пространство – окно – открытое пространство, бытовое пространство – окно – волшебное пространство и т. д.). Так, в частности, наблюдение Данила со своим слугой за колдовством колдуна в замке происходит именно через окно: "...стой тут, малый! Я полезу на дуб; из него можно глядеть в окошко (разрядка здесь и далее наша – А. Ч.) ... Окошко все еще светилось. Присевши на сук, возле самого окна, уцепился он

рукою за дерево, и глядит: в комнате свечи нет, а светит" [4, с. 256–257] (открытое пространство – окно – закрытое пространство, бытовое пространство – окно – волшебное пространство). Разговор Катерины с закрытым в подвале колдуном происходит через окно: "Вверху перед ним узкое о к н о, переплетенное железными палками. Гремя цепями, подвелся он к о к н у поглядеть, не пройдет ли его дочь. ...Вот кто-то вдали спускается... Это она! Еще ближе прикинул он к о к н у" [4, с. 261] (закрытое пространство – окно – открытое пространство, волшебное пространство – окно – бытовое пространство). В одном из эпизодов повести взгляд Данила проникает через свое окно и воздушное пространство, а также через окно колдуна в его замок. Таким образом, художественный эффект значительно усиливается: "Сидит пан Данило, глядит левым глазом на писание, а правым в о к о ш к о. А из о к о ш к а далеко блестят горы и Днепр. За Днепром синеют леса. Мелькает сверху... ночное небо; но не далеким небом и не синим лесом любитесь пан Данило: глядит он на выдавшийся мыс, на котором чернел старый замок. Ему почудилось, будто блеснуло в замке огнем узенькое о к о ш к о... Вот по широкому Днепру зачернела лодка и в замке снова б л е с н у л о что-то" [4, с. 255] (закрытое пространство – окно – открытое пространство – окно – закрытое пространство, бытовое пространство – окно – бытовое пространство – окно – волшебное пространство). Основную информацию, в значительной степени предопределяющую дальнейшее развитие сюжета, Данило получает, наблюдая за действиями колдуна через окно. Окно является важнейшей деталью в ходе развития сюжетного действия, выступает в качестве разграничительного элемента в оппозициях внешний – внутренний, закрытое пространство – открытое пространство, бытовое пространство – волшебное пространство.

Мир в "Страшной мести" делится на две части. Уже само такое структурирование художественного пространства повести предполагает наличие высшей силы, определяющей ход земных событий. Поэтому здесь явно прослеживается языческая мифологическая основа, подвергшаяся в процессе эволюции христианизации, переплетению с элементами христианской мифологии. Сложившиеся представления первобытного коллектива о бинарной структуре мира, состоящего из мира здешнего, поюстороннего, преходящего и мира загробного, потустороннего, вечного были, в значительной мере, аналогичными и представлениям о предопределенности земной судьбы каждого человека. В повести мир делится на "этот" и "тот".

Совершенно естественно при таком представлении о структуре мира превалирующим видится человеческое существование в мире "том", которое мыслится вечным: "Слушай, жена моя!" – сказал Данило: "не оставляй сына, когда меня не будет. Не будет тебе от бога счастья, если ты кинешь его, ни в т о м, ни в э т о м свете. Тяжело будет гнить моим костям в сырой земле; а еще тяжелее будет душе моей" [4, с. 265].

Двоичность мира, существование его в качестве двух полумиров находит в "Страшной мести" также параллели с представлениями о двоичности и самой человеческой души. Представления о двоичности души были характерными для различных народов, в том числе и для славянского этноса. Так, Э. Тейлор пришел к выводу о наличии в мировосприятии первобытных народов некоего "двойника", который сидит в теле человека и может покидать его на какое-то время или навсегда [8]. Немецкий психолог В. Вундт, различая в ранних человеческих представлениях о душе душу "телесную" и душу "свободную", говорил о том, что последняя мыслилась в двух формах: душа-дыхание и душа-тень, способная покидать людское тело [2]. Гоголь реализовал в "Страшной мести" встречающееся у многих, столь разных по своей истории и месту проживания народов, представление о наличии у человека "внешней" души. Так, например у народов тунгусо-маньчжурской группы природа сновидений человека толкуется как покидание тела во время его сна душой – паня. Поэтому спящего нельзя было резко будить, чтобы паня успела вернуться назад. Паня также могла быть похищена злыми духами, в том числе духом умершего или духом-помощником враждебного шамана, что вело в дальнейшем к болезни человека [6, с. 427]. Народы Мьянмы (Бирмы) также верили в возможность оставления душой тела человека во время его сна [Там же, с. 427]. Аналогичное представление существовало также и у чеченцев (представление о са) [Там же, с. 474]. В китайских мифологических представлениях душа также была двоичной: душа хань управляла духом человека, а душа по – его телом. Древние китайцы предполагали, что после смерти человека хунь улетает на небо, а по уходит в землю или рассеивается [7, с. 607].

В значительной степени подобные представления о возможности путешествия души во время сна существовали также и у украинцев. Так, В. М. Гнатюк в своей работе "Останки передхристианського світогляду наших предків" констатировал: "За життя чоловіка душа тримається його постійно. Покидає його лише у сні. Коли чоловік спить, а йому сниться, що він перебуває десь далеко від свого місця,

то його душа дійсно є там, а тіло лежить на тім місці, де чоловік ліг спати. У "непрости́х" людей, прим., відьом, душа відлучується від тіла також у сні і йде на "герц". Через се коли би тіло відьми в часі сну обернув головою туди, де воно лежало ногами, душа, вернувши з "герцу", не могла би втрапити до тіла, і відьма не встала та не пробудилася б, доки тіла не привернено б до попереднього положення" [3, с. 397]. С чем-то подобным мы сталкиваемся и в тексте гоголевской повести, в тех ее эпизодах, где идет описание сна Катерины. Автор передает содержание трех снов Катерины, но особо показательным в интересующем нас контексте является ее второй сон. Во время его Данило со слугой наблюдают за магическими действиями колдуна, которые полностью совпадают с привидевшимися во сне самой Катерине действиями ее отца. Разумеется, что в этом случае мы имеем дело со славянскими и, шире, индоевропейскими представлениями о "внешней" душе. Известно, что многие народы проводили мифологизированную зависимость между душой – с одной стороны, и воздухом, ветром, бурей – с другой. В. М. Гнатюк отмечает: "Вигляд душі може бути різnorodний. Звичайно представляють собі душу як маленького чоловічка з чистим та прозорим тілом або як дитину з крильми" [Там же, с. 397]. С прозрачностью души, ее материальной неоформленностью, "недоделанностью", невещественностью читатель сталкивается и в "Страшной мести". Данило наблюдает за действиями колдуна и видит следующую картину: "Звуки стали сильнее и гуще, тонкий розовый свет становился ярче, и что-то белое, как будто облако, веяло посреди хаты; и чудится пану Даниле, что облако то не облако, что то стоит женщина; только из чего она: из в о з д у х а что-ли, выткана? Отчего же она стоит и земли не трогает, и не опершись ни на что, и с к в о з ь н е е п р о с в е ч и в а е т розовый свет и мелькают на стене знаки? Вот она как-то пошевелила п р о з р а ч н о ю головою своею: тихо светятся ее бледно-голубые очи; волосы вьются и падают по плечам ее, будто сквозь бело-прозрачное утреннее небо льется едва приметный алый свет зари; брови слабо темнеют... Ах! Это Катерина!" [4, с. 257]. И в дальнейшем этот образ характеризуется как "в о з д у ш н а я красавица" [Там же, с. 258], "в о з д у ш н а я Катерина" [Там же, с. 259].

Происхождение души Катерины соответствует приведенной нами версии. Душа Катерины говорит: "Пани моя, Катерина, теперь заснула, а я и обрадовалась тому, вспорхнула и улетела. Мне давно хотелось увидеть мать. Мне вдруг сделалось пятнадцать лет. Я вся стала легка, как птица..." [Там же, с. 258]. Данило, пере-

давая Катерине содержание увиденного в замке колдуна, говорит: "... мне говорил игумен Братского монастыря, – он, жена, святой человек, – что антихрист имеет власть вызывать д у ш у каждого человека; а д у ш а гуляет по своей воле, когда заснет он, и летает вместе с архангелами около божией светлицы" [Там же, с. 260].

С вертикальной структурой мира в повести связано его разделение на "этот" и "тот", а также представления о "местообитании" Бога, которые, как и в большинстве мифологических традиций, связано с верхним ярусом трехчленной структуры мира – небом. Небо в подобной пространственной иерархии является воплощением верха, в отличие от земли и подземного мира – воплощений, соответственно, середины и низа. В результате в повести моделируется вертикальная трехчленная структура мира (подземный мир – земля – небо). Но, в свою очередь, второй ярус в этой структуре – земной мир – также распадается на оппозиции земля – вода, земля (равнина) – горы, земля – провалы. Эти оппозиции образуют структуру горизонтального (земного) мира. Земной мир рассматривается как верхний по отношению к подземному миру. В произведении перемещаться в верхний, небесный мир способны только души умерших, в частности, казаков Ивана и Петра. Земной мир, таким образом, мыслится в качестве материально овеществленного места непродолжительного пребывания людей. После физической смерти человека происходят качественные трансформации. Душа и тело перемещаются в противоположные миры: тело – в подземный (связанный в повести с кладбищем и поступками его обитателей – мертвецов), душа – в надземный, небесный (связанный с "местообитанием" Бога). Местонахождение потустороннего загробного мира, куда "призвал бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд" [Там же, с. 281] после смерти Петра, автором не локализуется. Но, естественно, что загробный мир мыслится далеким иным миром, противостоящим земному миру живых и "размещение" его связывается с верхним и нижним ярусами вертикальной структуры мира.

Божий суд в повести связан с христианской идеей загробного воздаяния каждому за его земные дела. Место его совершения ассоциируется с верхним, небесным миром, подвергшимся под воздействием многовековой народной мифологической традиции, по образному замечанию С. С. Аверинцева, "вторичной мифологизации" [1, с. 602]. Исследователь говорит, что образ "неба" как места обитания Бога в христианской традиции эволюционирует и может быть выражен формулой, суть которой в том, что "небо не вмещает бога, вообще, универсум находится в боге, а не бог – в

каком-нибудь месте универсума, таким образом, обиталище, "не вмещающее" обитателя, – не обиталище в нормальном смысле" [Там же, с. 599]. Но, следуя той христианской традиции, вознесение Бога по завершении им своей земной жизни происходит как раз именно на небо и в данном случае именно небо мыслится божественной сферой бытия. В Библии читаем, как "два мужа в белой одежде" (ангелы) обращаются к апостолам: "Мужи Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели его восходящим на небо" (Деян., 1:11).

Небо в повести обладает также способностью заключать внутрь себя рельеф земной поверхности и, таким образом, как бы опоясывает землю: "Горы те – не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина и под ними и над ними высокое небо. Те леса, что стоят на холмах, не леса: то волосы, поросшие на косматой голове лесного деда. Под нею в воде моется борода, и под бородою, и над волосами высокое небо. Те луга – не луга: то зеленый пояс, перепоясавший посередине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц" [4, с. 246]. Картина зеркального отражения, создаваемая автором, позволяет делать выводы о незначительности, миниатюрности, заброшенности земли, о величии и могуществе неба. Небо как бы вмещает в себя землю и всю ее поверхность.

Судьба душ побратимов-казаков в повести различна, но обе они не нашли "царствия небесного". Господь удовлетворил просьбу Ивана, но, в свою очередь, наказал его за предложенную столь чрезмерно жестокую казнь для Петра. Именно с Петром и его родом ассоциируется в тексте произведения подземный мир, Могилы, захоронения являются границей между миром "своим", миром живых и миром "чужим", миром мертвых. Мир мертвых, подземный мир также выступает в качестве второго звена в оппозиции к миру небесному, верхнему, образует нижний ярус в троичной модели "небо – земля – преисподняя", ассоциируется с царством мертвых. В "Страшной мести" мертвецы наделяются способностью к действиям (изменение статического состояния, осмысленная речь и т. д.): "Крест на могиле зашатался, и тихо поднялся из ее высохший мертвец. Борода до пояса; на пальцах когти длинные, еще длиннее самых пальцев. Тихо поднял он руки вверх. Лицо все задрожало у него и покривилось. Страшную муку, видно, терпел он. "Душно мне! душно!" – простонал он диким, не человеческим голосом. Голос его, будто нож, царапал сердце, и мертвец вдруг

ушел под землю. Зашатался другой крест, и опять вышел мертвец, еще страшнее, еще выше прежнего; весь зарос; борода по колена и еще длиннее костяные когти. Еще диче закричал он: "Душно мне!" и ушел под землю. Пошатнулся третий крест, поднялся третий мертвец. Казалось, одни только кости поднялись высоко над землею. Борода по самые пяты; пальцы с длинными когтями вонзились в землю. Страшно протянул он руки вверх, как будто хотел достать месяца, и закричал так, как будто кто-нибудь стал пилить его желтые кости..." [Там же, с. 248].

Троичное вставание мертвецов со своих могил свидетельствует об особой роли числа "3", имеющей глубинную мифологическую основу. В ряде мифологических традиций это число трактуется как совершенное, выступает, по образному замечанию В. Н. Топорова, в качестве "основной константы мифопоэтического макрокосма и социальной организации" [8, с. 630]. Особо значимо оно в волшебной сказке (ср., три героя, три задания, которые они получают, и т. п.). Троекратное повторение вставания мертвецов со своих могил служит также для максимального усиления действия, для подчеркивания роли значения посмертного воздаяния за земные грехи. Вообще, метафорика и семантика чисел в повести представлена достаточно широко. Здесь употребляются следующие числа: 1 – "Всего только г о д жил (колдун) на Заднепровье..." [4, с. 244]; 2 – хутор пана Данила находится "... промеж д в у м я горами" [Там же, с. 244], старый есаул на свадьбе "... вынес д в е иконы благословить молодых" [Там же, с. 245], "... д в а дни билась при Соленом озере орда" [Там же, с. 246], "уже день и д в а живет (Катерина) в своей хате..." [Там же, с. 274], "едет (колдун) день, д р у г о й, а Канева все нет" [Там же, с. 277], "ворочал (колдун) по сторонам мертвыми глазами и увидел поднявшихся мертвецов... как д в е капли воды схожих лицом на него" [там же, с. 278], "за пана Степана...жило д в а казака..." [Там же, с. 279]; 3 – колдун сидит в подвале пана Данила за "... т р е м я замками..." [Там же, с. 260], "над бровями (Данила) разом вырезались т р и морщины..." [там же, с. 247], "... глухо шумит внизу Днепр и с т р е х сторон... отдаются удары мгновенно пробудившихся волн" [Там же, с. 255], "уже т р и недели воюет (король Степан) с турчином" [Там же, с. 279]; 4 – пан Данило говорит, что "ч е т ы р е пули пролетели в ч е т ы р е х местах сквозь меня" [там же, с. 266]; 7 – запорожец Микитка "... с е м ь дней и с е м ь ночей (поил) королевских шляхтичей красным вином" [Там же, с. 244]; 10 – Катерина говорит есаулу о том, что "... уже д е с я т ь дней я у вас в Киеве, а горя ни капли не убавилось" [Там же, с. 270]; 15 – душа Катерины говорит: "Я была в

том самом месте, где родилась и прожила п я т н а д ц а т ь лет", "Мне вдруг сделалось п я т н а д ц а т ь лет" [Там же, с. 258]; 21 – колдун "... д в а д ц а т ь о д н (год) пропадад без вести..." [Там же, с. 244]; 33 и 44 – "не мало поплатились ляхи: с о р о к ч е т ы р е пана... да т р и д ц а т ь т р и холопа изрублены в куски..." [Там же, с. 269]; 100 – за хоромами пана Данила "...еще гора, а там уже и поле, а там хоть с т о верст пройди, не сыщешь ни одного козака" [Там же, с. 249]; 1000 – "слышится часто по Карпату свист, как будто т ы с я ч а мельниц шумит колесами на воде" [Там же, с. 278]. Как видим, числовая семантика в повести довольно обширна и разнообразна. Использование некоторых из этих чисел соответствует давно сложившейся мифопоэтической традиции, закрепившей весьма определенные функции за ним, если оно употребляется не в своем прямом, первичном значении – для счета и проведения других математических операций. Так, число два, например, всегда мыслится в качестве основы для бинарных противопоставлений, это символ парности, кратности, четности, оно может употребляться для сопоставления и проведения различных аналогий. Число 33, употребляемое Гоголем в "Страшной мести", в ведийской мифологии обозначает высший, божественный уровень, к которому относятся именно 33 бога. Само это число выступает также в качестве константы, под которую подгоняется количество различных персонажей.

В данном случае видим, как внутри дуальной системы (верх – низ) образовывается трехчленная система, ввиду представления о земле как верхе для еще "низшего низа" – преисподней, подземного мира. Поэтому, в данном случае, трехчленная система возникает внутри двучленной, благодаря повторному наложению оппозиции "верх – низ" на одну из частей дуальной системы (земля – небо, земля – подземный мир). Но, в свою очередь, в срединном элементе трехчленной оппозиции также можно найти несколько оппозиционных пар: земля (равнина) – горы, земля (суша) – вода, водная поверхность, земля – провалы, ущелья, находящиеся в горизонтальном мире.

Таким образом, вертикальная трехчленная модель сюжетного пространства "Страшной мести" представляется состоящей из трех частей: верхнего, небесного мира – среднего, земного (распадающегося, в свою очередь, на несколько оппозиций) – нижнего, подземного мира. Естественно, что в подобной троичной схеме события, разворачивающиеся в верхнем и нижнем мирах, связаны с тем типом пространства, которое нами охарактеризовано как волшебное.

Литература

1. Аверинцев С. С. Христианская мифология / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : в 2 т. – М. ; Минск ; Смоленск, 1994. Т. 2.- 1994. – С. 598–604.
2. Вундт В. Миф и религия / В. Вундт. – СПб., 1913.
3. Гнатюк В. М. Останки передхристиянського релігійного світогляду наших предків / В. М. Гнатюк // Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. – К., 1992. – С. 383–406.
4. Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. : в 14 т. / Н. В. Гоголь. – М., 1940. Т. 1. – 1940.
5. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Ю. М. Лотман. – М., 1988.
6. Мифологический словарь. – М., 1991.
7. Мифы народов мира : в 2 т. – М. ; Минск ; Смоленск, 1994. Т. 2. – 1994.
8. Топоров В. Н. Числа / В. Н. Топоров // Мифы народов мира : в 2 т. – М. ; Минск ; Смоленск, 1994. Т. 2. – 1994. – С. 629–631.
9. Тэйлор Э. Первобытная культура / Э. Тэйлор. – М., 1939.